

9 класс

Аналитическое задание:

Выполните целостный анализ одного из предложенных произведений (эпического или лирического). Вы можете опираться на данные к нему вопросы или выбрать собственный путь анализа. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Сергей Донатович Довлатов

ПОБЕДИТЕЛИ

Дело происходит в спортивном зале академии Можайского. Все мужчины здесь — широкоплечие. Манеж освещен четырьмя блоками люминесцентных светильников. На шершавом ковре топчутся финалисты чемпионата России. За центральным столиком — Жульверн Хачатурян, получивший на Олимпийских играх в Мельбурне кличку Русский Лев... Год назад Хачатурян поступал в университет. Он был самым широкоплечим из абитуриентов.

Шел экзамен по русской литературе. Хачатурян всех спрашивал:

— Прости, что за вопрос тебе достался?

— Пушкин, — говорил один.

— Мне повезло, — восклицал Хачатурян, — именно этого я не учил!

— Лермонтов, — говорил второй.

— Повезло, — восклицал Хачатурян, — именно этого я не учил!

Наконец подошла его собственная очередь. Судья вытащил билет. Там было написано: «Гоголь».

— Вай! — закричал Хачатурян. — Какая неудача! Ведь именно этого я как раз не учил!.. Впрочем, мы отвлеклись. Информатор произнес в микрофон: — Внимание! Финальные схватки продолжаются. В синем углу Аркадий Дысин из Челябинска! В красном — Олег Гарбузенко из Мелитополя!

Сейчас же на южной трибуне раздался звук пощечины. Как выяснилось, это были скромные аплодисменты. Борцы пожали друг другу руки и начали возиться. Каждый из них весил центнер. Каждому было за сорок. Оба ходили вразвалку, а борьбу ненавидели с детства. Борцы трогали друг друга, хлопали по шее, кашляли и отдыхали, сомкнув животы.

— Пассивная борьба! — выкрикнул информатор. — Спортсменам делается замечание!

Однако Дысин и Гарбузенко не реагировали. Они стали бороться еще деликатнее. Оба знали свое дело. Оба помнили былые схватки. Бра руле, двойной нельсон, захват, подсечка... Жесткий брезентовый ковер неожиданно устремляется ввысь и хлопает тебя с чудовищным гневом по затылку... — Синий не борется! — орали зрители. — Халтура! И красный не борется!.. Однако Дысин и Гарбузенко не реагировали. Борьбу они ненавидели, а зрителей презирали.

Вдруг что-то произошло. Возникло ощущение тревоги и беспокойства. Как будто остановились часы в международном аэропорту. Зрители и секунданты начали озираться. Борцы устало замерли, облокотившись друг на друга.

Все уставились на главного судью. Дело в том, что Жульверн Хачатурян безмятежно дремал, опустив голову на кипу судейских протоколов. Хачатурян спал. Присутствующие не решались его будить. Рефери и боковые судьи ушли в шашлычную. Зрители читали газеты, вязали, штопали носки, распевали туристические песни.

— Если бы ты знал, как я ненавижу спорт, — произнес Аркадий Дысин, — гипертония у меня.

— И у меня, — сказал Гарбузенко.

— Тоже гипертония?

— Нет, тоже радикулит. Плюс бессонница. Вечером ляжешь, утром проснешься, и затем — целый день без сна. То одно, то другое...

— Пора завязывать, старик!

— Давно пора...

— Прости, кто выиграл? — заинтересовался очнувшийся Жульверн Хачатурян.

— Какая разница, — ответил Гарбузенко. Потом он сел на ковер и закурил.

— То есть как? — забеспокоился Хачатурян. — Ведь иностранцы наблюдают!

«Расцветали яблони и груши...» — нежно пропел он в сторону западных корреспондентов.

— «Поплыли туманы над рекой», — живо откликнулись корреспонденты Гарри Зонт и Билли Ард.

— Аркаша выиграл, — сказал Гарбузенко, — он красивый, пусть его и фотографируют.

— И ты ничего, — возразил Аркадий Дысин, — ты — смуглый.

— Короче, ты судья, Жульверн Арамович, ты и решай, — высказался Гарбузенко.

— Какой там судья, — покачал головой Хачатурян, — Бог вам судья, ребята.

— Идея! — сказал Дысин, вытащил монету, бросил ее на ковер.

— Орел! — закричал Гарбузенко.

Дысин задумался.

— Решка, — молвил он наконец. Хачатурян шагнул вперед, придавил монету носком лакированного ботинка.

— Победила дружба! — торжественно выкрикнул он.

Зазвучали аплодисменты. Спортсмены покинули зал, вышли на улицу. Из-за угла, качнувшись, выехал троллейбус. Друзья поднялись в салон. Три старушки деликатно уступили им места.

1969 г.

Опорные вопросы:

- Рассмотрите, как развиваются события. Как каждый из эпизодов: борьба, сон судьи, вынесение решения по поединку связаны с финалом? Ожидаем ли финал или он кажется неожиданным?
- Зачем в произведении С. Довлатова рассказывается о том, как судья поступал в институт?
- Присмотритесь не только к тому, *что* рассказывается в истории, но и к тому, *как* она рассказывается. Какие речевые особенности характерны для повествующего субъекта? Какое восприятие событий персонажами передается благодаря этим речевым особенностям? Как эти речевые детали помогают определить отношение повествующего субъекта к ним?
- Почему произведение С. Довлатова так называется?

Аналитическое задание

Вы можете также по Вашему выбору выполнить целостный анализ стихотворения Арсения Тарковского «Превращение». Обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы (поэтики): изображение субъекта лирического высказывания и события, которое он переживает в стихотворении; средства создания образа превращения, средства звуковой изобразительности и их функции; интертекстуальные отсылки и их назначение в тексте, строфика и рифмика. Как вы думаете, в какой момент происходит «превращение»? Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Арсений Тарковский

Превращение

Я безупречно был вооружен,
И понял я, что мне клинок не нужен,
Что дудкой. Марса я заморожен
И в боевых доспехах безоружен,
Что с плеч моих плывет на землю гнет,
Куда меня судьба ни повернет,

Что тяжек я всей тяжестью земною,
Как якорь, волочащийся по дну,
И цепь разматывается за мною,
А я себя матросам не верну...
И пожелал я
 легкости небесной,
Сестры чудесной
 поросли древесной,
Затосковал - и приоткрыл лицо,
И ласточки снуют, как пальцы пряжи,
Трава просовывает копьцо
Сквозь каждое кольцо моей рубахи,
Лежу, - а жилы крепко сращены
С хрящами придорожной бузины.

1959

Творческое задание

В повести современного писателя Вадима Зайдмана «В гостях у Пушкина» персонажи-подростки изобрели машину времени и решили отправиться в путешествие во времени.

Прочтите, как об этом рассказывается:

«Я (...) не мог от волнения вымолвить ни слова. Неужели мы сейчас будем первыми людьми, которые переместятся из одного времени в другое? Жутковато, конечно, но прямо дух захватывает — так интересно! Правда, Виталий, словно прочтя мои мысли, тут же умерил мой восторг, сообщив, что в воскресенье, во время последнего испытания Машины Времени, он уже слетал на недельку в прошлое.

— Теперь мы попробуем основательно туда углубиться,— сказал он, заговорщически подмигнув мне, и я вновь воспрянул духом. — Остаётся лишь решить, куда именно мы полетим. А?

Я думал недолго.

— Давай посраим Мироненко: отправимся в... какой там... — 13-й, кажется? — век и предупредим русских князей о нападении монголо-татар!

— Ну, ты уж хватил,— поморщился Виталий. — С первого разу — и в 13-й век! Тебе дай волю, так ты сразу в древний Рим сиганёшь! Машина всё-таки мало ещё испытана. К тому же: вы ведь завтра уезжаете, тебе к утру надо вернуться! За это время мы успеем слетать в прошлое лет на двести, не больше!

Я отмотал в уме 200 лет назад — получилось начало 19-го века. Тут я почему-то вспомнил о сегодняшнем сочинении, и меня вдруг осенила идея.

— Давай полетим к Пушкину! — воскликнул я. — Предупредим, чтобы он не связывался с тем французом... ну, как его..., в общем, который его убьёт! Представляешь, как будет здорово, если мы спасём его!

— К Пушкину? — медленно проговорил Виталий. — Идея неплохая, но надо посчитать, успеем ли. Пушкина убили на дуэли... кажется, в 1817-м году.

Нет, вы представляете, какой знаток литературы? Я хоть и недолголюбиваю сей предмет, но уж в каком году погиб Пушкин — это-то я знаю!

— Ты что! — воскликнул я. — Слышала бы тебя Надежда Викторовна! Пушкин был убит в 1827-м году. Ведь в 25-м году произошло восстание декабристов, а Пушкин был тогда ещё жив.

— Нет, это ты ошибаешься,— возразил Виталий. — Дело в том, что восстание декабристов было как раз не в 25-м, а в 1815-м году. Год назад закончилась война с Наполеоном и, преследуя его, русские войска побывали в Западной Европе. Ну, помнишь, историчка рассказывала, как наши офицеры и солдаты, насмотревшись на тамошнюю свободу, решили и в России свергнуть рабство. Вот, в 15-м году они вернулись из Европы, а в декабре и устроили восстание.

Я поднатужился, пытаюсь воскресить в памяти все свои познания по истории того периода, но, честно говоря, не смог ничего противопоставить доводам Виталия насчёт даты декабристского восстания. Пришлось согласиться с ним.»

Дальше герои осуществляют замысел... но в своем желании предупредить А. С. Пушкина об исходе дуэли с Э. Дантесом наталкиваются на совсем неожиданные препятствия, потому что вылетают в 1816 год! Это

неудивительно, ведь на последнем уроке литературы, пытаясь написать сочинение на тему «Моё любимое произведение А.С. Пушкина», один из них написал о поэме «Мцыри».

ЗАДАНИЕ: Подумайте, к какому жанру может относиться повествование о возможном путешествии современных подростков в прошлое. Определите характер героев по их рассуждениям в прочитанном фрагменте.

Напишите связный текст, рассказывающий о том, куда отправятся герои после прибытия в 1816 год, чтобы встретиться с Пушкиным, кого встретят, достигнут или нет своей цели, что останется у них от посещения 1816 года.

Объем не регламентируется, но должен соответствовать поставленной задаче.

10 класс

Аналитическое задание:

Выполните целостный анализ одного из предложенных произведений (эпического или лирического). Вы можете опираться на данные к нему вопросы или выбрать собственный путь анализа. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Евгений Замятин

ВСТРЕЧА

Человек с колючим бобриком, в мундире жандармского полковника, по-военному отчеканил свои показания и сел. Он производил у подсудимого обыск, его показания были бесспорны, точны, убийственны. Но подсудимый даже не посмотрел на него. Он не дыша, боясь шевельнуться, прислушивался к мерному топоту солдатских ног: сейчас в зал должен был войти тюремный конвой – и с ним последняя надежда на спасение для подсудимого. Подсудимый знал, что конвоем командует Попов, тоже революционер, как и он сам, и что Попов попытается в удобный момент передать ему револьвер.

Но Попов дошел только до эстрады, на которой сидели судьи: тут, вместо того чтобы подойти с конвоем к подсудимому, он растерянно остановился и, не мигая, вытянув шею, глядел в глубь зала. Шея у него была неожиданно тонкая для его широких плеч – как будто по ошибке взятая от чужого человеческого комплекта. Он стоял и удивленно, забыв обо всем, смотрел на жандармского полковника.

Кроме полковника, никто этого не заметил, никому не понятна была причина происшедшего замешательства. Впрочем, ничего не понял и полковник: он только почувствовал, как немигающий взгляд конвойного офицера с журавлиной шеей споткнулся на нем.

Раньше времени зазвенел звонок: перерыв. Продолжение заседания суда было отложено. Судьи, сверкая генеральскими эполетами, встали, задвигались. Все торопились в буфет, чтобы успеть там наспех проглотить чаю или кофе. Последними вышли из зала огромный краснолицый извозчик и лысый нищий, тоже вызванные в качестве свидетелей по делу.

В буфете после ярко освещенного зала показалось темно – тускловатые, пыльные лампы были вдобавок завешены табачным туманом. Было открыто окно, всякий раз распахивалась дверь от сквозняка, подвешенные к потолку лампы слегка покачивались – и все внизу под ними тоже слегка покачивалось, все было непрочное, как во сне. И в самом деле – особенно после суровой реальности того, что происходило в зале, все здесь было похоже на сон или бред.

Мелькали в дыму солдаты, цыгане, мужики, офицеры. Священник, приводивший на суде свидетелей к присяге, обнимая цыганку, напевал шансонетку. К столику, за которым о чем-то спорили извозчик и нищий, дружески подсел жандармский полковник. "Из-за чего изволите горячиться, ваше превосходительство?" – спросил он нищего. Здесь, во сне, никто не удивлялся, что нищий принял титул превосходительства как должное, но даже и здесь полковнику показалось нелепым, когда нищий сердито показал на извозчика: "Из-за того, что прапорщик Симков позволил себе сесть за мой столик, не спросив разрешения у меня, как полагается по уставу. Он забывает о моем чине!" Прапорщик-извозчик, добродушно колыхаясь животом, захохотал: "Все мы тут, дорогой мой, в одном чине: фи-гу-ранты! И всем нам одна цена: сто франков в день. Исключение – полковник: во-первых, получает сто двадцать, во-вторых – играет самого себя. Это называется "повезло"!"

И действительно, повезло: в этом фильме из русской жизни бывшему жандармскому полковнику дали роль жандармского полковника. Режиссер говорил, что он играет превосходно, а он совсем не играл: он просто стал прежним самим собой. Стал настолько, до таких мелочей, что вот сейчас, закурив папиросу, помахал спичкой совершенно прежним ленивым жестом – и, как бывало тогда, бросил спичку еще горящей.

Сверху, из табачного тумана, спустилась рука и взяла из пепельницы еще горевшую спичку. Полковник взглянул вверх – и встретился с глазами длинношеего конвойного офицера Попова. Нагнувшись, Попов пристально смотрел полковнику прямо в лицо. Догоревшая спичка обожгла ему пальцы, он бросил ее, не закурив, – и молча исчез в фантастической толпе цыган, солдат, мужиков.

"Что это значит?" – сказал полковник. "Что – что значит?" – удивленно переспросил извозчик. Полковник попробовал объяснить, но не мог, потому что ничего, в сущности, не произошло. Вернее, произошло только одно: полковнику показалось, что этого длинношеего офицера он уже встречал когда-то. Но когда? Где? В Крыму? В Константинополе? Он никак не мог вспомнить, и это не давало ему покоя, как застрявшая где-то в зубах незаметная рыбья косточка, которую непременно нужно вынуть.

Прапорщик-извозчик, вкусно подхохатывая, рассказывал что-то про цыганку, про какую-то подвязку, но слова не доходили до полковника: мешала рыбья косточка. А может быть, и не в ней было дело: просто хотелось пить, а кофе еще до сих пор им не принесли. Гарсон опять пролетел в тумане мимо их столика. Полковник обернулся, чтобы поймать его, – и сзади себя, совсем близко, снова увидел Попова: перед самым носом священника он встряхивал на ладони два револьвера. "За каким чертом ты таскаешь с собой настоящий револьвер, раз тебе

здесь дают бутафорский?" – спросил священник. "Об-обожаю револьверы... с детских лет..." – сказал Попов, слегка заикаясь.

Как только полковник услышал этот захлебывающийся, заикающийся голос, в голове у него, как в театре, мгновенно раздернулся какой-то занавес – и он все вспомнил, даже увидел с какой-то испугавшей его самого ясностью.

Этот человек, тогда – в студенческой форме, сидел спиной к нему, нагнувшись над железным столиком тюремной камеры. Полковник смотрел на него сквозь стеклянный глазок двери. Студент увлекся и не замечал ничего: перед ним на столике были сделанные из хлеба шахматы, он играл сам с собою. Полковник вошел в камеру, схватил разграфленный листок бумаги вместе с шахматами, скомкал и сунул к себе в карман. Он был сам шахматист и знал, что это будет самым чувствительным наказанием для заключенного, а этот упрямец заслуживает наказания. Студент взглянул на полковника и ничего не сказал, только сделал глотательное движение, на тонкой шее поднялся вверх и опустил кадык. Полковник, не отрывая глаз от его шеи, сказал очень ласково: "Вы получите свидание с вашей невестой. Я объяснил ей, что если вы будете молчать, то вам грозит петля, и она обещала убедить вас быть откровенней".

Свиданий с невестой у студента было не одно, а несколько. Это тянулось целый месяц. Полковник слышал, как девушка плакала, умоляла, целовала. В конце концов студент заговорил откровенно. Когда полковник подписал приказ о его освобождении, студент секунду, не мигая, смотрел на него ненавидящими глазами, потом, заикаясь, сказал: "Ллу-лучше бы вы меня повесили! И з-знаете, если мы к-когда-нибудь встретимся..." Он запнулся и так, не кончив фразы, ушел.

И вот – теперь, здесь – они встретились. Кругом них в бредовом тумане мелькали ненастоящие цыгане, офицеры, мужики, нищие. Прежние свои роли играли только они двое: полковник – себя, Попов – революционера, хотя он и был теперь в офицерской форме. И в буфете уже звенел звонок, призывая их продолжать игру – и, может быть, теперь закончить ее.

Прапорщик-извозчик и превосходительный нищий ушли еще до звонка. Полковник шел в студию один. Из головы у него не выходил этот студент. Полковник вспомнил, что его невесту звали Мусей и что однажды он увидел, как она, покраснев, старалась спрятать палец, высунувшийся из прорванной перчатки, но лицо ее он совершенно забыл. "Какая странная вещь – память: забыть человеческое лицо – и запомнить прорванную перчатку..." – подумал полковник.

Он открыл дверь – и увидел себя на полутемном дворе, заваленном какими-то огромными пустыми ящиками. Он понял, что забыл вовремя свернуть направо, и никак не мог сообразить сейчас, куда идти. Ощупью он нашел наконец дверь, через которую попал сюда, дернул ее – остановился: перед ним стоял "Попов". Вытянув

длинную шею, усмехаясь, он сказал: "За-за-заблудились?" И продолжал стоять, глядя на полковника и держа руки в карманах.

"Сейчас он вынет из кармана револьвер..." – волосы на голове у полковника стали колючими. Он рассердился на себя и решительно шагнул на Попова: "Позвольте пройти!" Попов, не вынимая рук из кармана, посторонился. Полковник шел и слышал сзади себя шаги, все ближе. Он изо всех сил старался идти не спеша – и чувствовал, что идет все быстрее.

В студию он вбежал, запыхавшись. Его уже ждали. Режиссер громко, при всех, сделал ему замечание, но полковник подумал только об одном: наверное, он – этот Попов – тоже слышит это...

Полковник оглянулся: Попов сидел направо, немного сзади, так что полковнику нужно было только чуть повернуться, чтобы увидеть эти немигающие, неотступные глаза. Потом, уже не поворачиваясь, он как-то затылком, шеей, правым ухом (оно горело) чувствовал на себе этот взгляд – и это связывало его, опутывало как паутина.

Режиссер крикнул: "Allons!", лампы зашипели. Полковник встал, чтобы снова повторить свои десять убийственных для подсудимого слов. Он хотел, как делал тот, прежний полковник, вытянуть руку, показывая на подсудимого, но искоса, углом глаза, увидел: держа руки в карманах, Попов тоже встал. Полковник сделал рукой какое-то совершенно нелепое, деревянное движение и замолчал среди фразы: все слова вдруг вылетели из головы: "Да вы что – хватили лишнее или больны? – закричал на него режиссер. – Уходите вон! Проветритесь – тогда придете..."

Кто-то засмеялся. Согнувшись, стараясь быть поменьше, понезаметней – полковник вышел из студии. Впрочем, он уже не был полковником, как все эти дни: он снова стал тем человеком, который недавно мыл окна и получал на чай. Он шел по длинному, белому, пустому коридору и, стиснув кулаки, мысленно говорил режиссеру все то, что он вслух сказал бы, если бы мог.

В буфете было безлюдно, из экономии горела теперь только одна лампа. Полковник сел за столик, заказал кофе, потом остановил буфетчика: "Нет, лучше дайте коньяку!" Буфетчик что-то переспросил. "Ах, да все равно что – только поскорей!" – с досадой махнул полковник рукой: он, кипя, продолжал объясняться с режиссером, а тут этот буфетчик...

И вдруг он забыл сразу и режиссера, и обиду, и буфетчика, и все: к его столику от дверей шел Попов, покачивая головой на тонкой шее. Он остановился перед полковником и, как будто еще не решаясь, нащупывал что-то в кармане рукой. Полковник уже знал, что такое это "что-то". Сердце у него заколотилось, но

его руки и ноги были спутаны какой-то паутиной, он не мог ни встать, ни крикнуть.

Буфетчик принес кофе и коньяк, поставил на столик и ушел в кухню. Бывший полковник и бывший студент остались вдвоем. Полковник слышал, как жужжа о потолок, шлепалась большая муха.

– А ведь я вас сразу узз-узнал... – сказал "Попов", снова пошевелив рукою в кармане.

Полковник хотел сказать: "Что вам от меня нужно?" – но понял, что это выйдет нелепо, смешно: он ведь знал, зачем нашел его здесь этот человек. Он ждал, не двигаясь, только сердце у него заколотилось еще сильнее.

– Помните, как вы в к-к-камере взяли у меня шахматы? – и сказали, что вы т-т-тоже шахматист? Я все п-п-помню! – продолжал "Попов", хитро щурясь и понемногу, медленно вынимая руку из кармана.

Полковник видел теперь только эту руку, она заполняла собою весь мир. Он увидел, как вышла кисть, увидел черные часы на ремешке с наискось треснувшим стеклом. Оставалась еще секунда. Полковник втянул голову в плечи, как черепаха, и закрыл глаза.

Прошла секунда, две – выстрела не было. "Целится..." – мелькнуло в голове, и, не выдержав, полковник открыл глаза.

"Попов" стоял перед ним, вытянув руку. В руке у него была карманная шахматная доска.

– Сыграем? – сказал он и, не дожидаясь ответа, сел напротив полковника.

1935 г.

Опорные вопросы:

- Какую смысловую роль играет в произведении Е. Замятина образ шахмат?
- Рассмотрите, как развиваются события. Меняется ли что-то в жизни персонажей или нет в результате «встречи»?
- Присмотритесь не только к тому, **что** рассказывается в истории, но и к тому, **как** она рассказывается. Что попадает в «кадр зрения» повествующего субъекта в разных эпизодах и какое восприятие событий персонажами передается благодаря такой компоновке деталей? Какие речевые особенности характерны для повествующего субъекта? Как они помогают представить описываемые события и определить отношение повествующего субъекта к ним?

Аналитическое задание

Вы можете также по Вашему выбору выполнить целостный анализ стихотворения Владимира Набокова «На годовщину смерти Достоевского». Обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы (поэтики): изображение субъекта лирического высказывания и объекта его переживания в стихотворении; средства создания морского пейзажа, средства звуковой образности и их функции; интертекстуальные отсылки и их назначение в тексте, рифмика и строфика. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Владимир Набоков

На годовщину смерти Достоевского

Садом шел Христос с учениками...
Меж кустов, на солнечном песке,
вытканном павлиньими глазками,
песий труп лежал невдалеке.

И резцы белели из-под черной
складки, и зловонным торжеством
смерти заглушен был ладан сладкий
теплых миртов, млеющих кругом.

Труп гниющий, трескаясь, раздулся,
полный склизких, слипшихся червей...
Иоанн, как дева, отвернулся,
сгорбленный поморщился Матфей...

Говорил апостолу апостол:
"Злой был пес, и смерть его нага,
мерзостна..." Христос же молвил просто:
"Зубы у него - как жемчуга..."

Творческое задание

Изучите предложенные вам тексты русских поэтов.

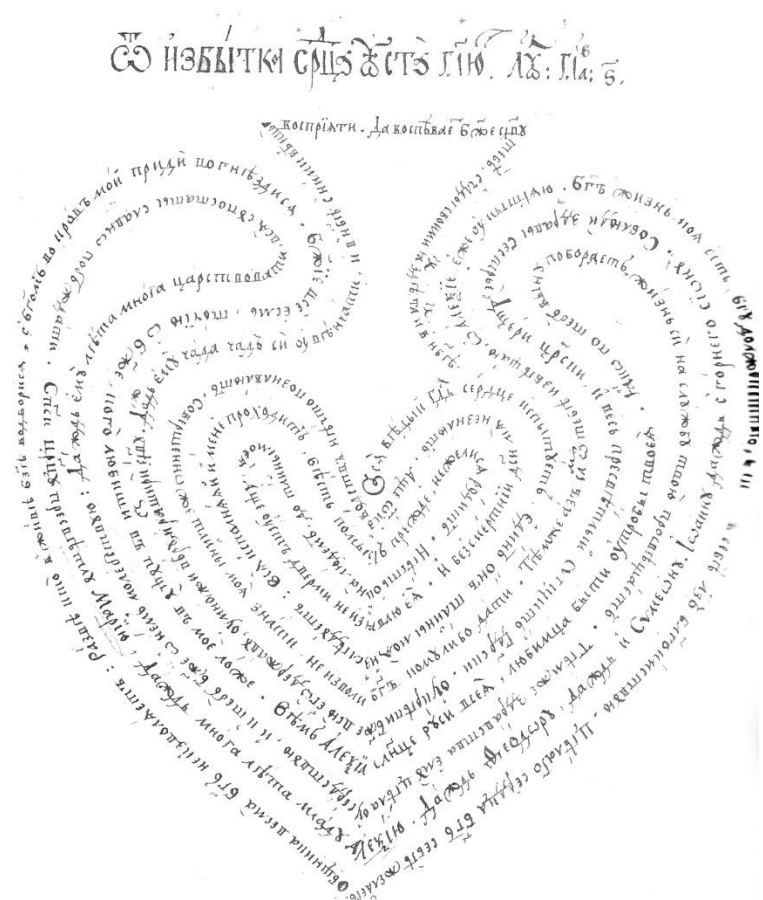
1. Г. Р. Державин

ПИРАМИДА

Зрю
 Зарю
 Лучами,
 Как свечами,
 Во мраке блестящу,
 В восторг все души приводящу.
 Но что? – от солнца ль в ней толь милое блистанье?
 Нет! – Пирамида – дел благих воспоминанье.

2. Симеон Полоцкий.

«От избытка сердца уста глаголят» (в честь рождения царевича Федора).

3. Ольга Иорина

« 11 воскреший »

перелетев, ⁴ изумление перелетевше
 Снежная, ³ утренняя саркоина вьпарнула
 растискала, ² ласково прильнув
 Юркие раскроил, ¹ раскиснув
 и утренняя ⁵ раздалась
 с ветрами ⁶ раздувала
 на попоменнее ⁷ смотрела серь ⁸ вьперекривиле ⁹ вьветаннннн
 переракравнннн ¹⁰ Края

А под крошмннн раставала ¹¹, расцветала земли...

4. Зарина Бикмулина

	ы	р	а	и, й р
	т	те	рт	мт я о
ш	ю о	у ь щ	м б н	и а л ш
о о а л	Пс н н	ьы о о	с с ё с	к к в у!
Все будет хор	Я н ько, главное, дыши.	т з т по швам, срывая	м с шить. Дыши, не ле	о т верю! Ты си
з	ьи	ж	о в	ж с
			жм	е о
			е	й,е
				н
	ь!	и		
	шс	шш		
	с т	ы ь		
	ж о	л т		
	о б	с ы?		
льней, ты см	о ышу. Мы будем –	Я треть на звезды до утра...Зачем оно пишит? Скорее! Сестра, пожалуйста, сестра!..		
	ю д	в о		
	в я	е м		
	т и	р с		
	а т	ю!		
	к			

ЗАДАНИЕ:

Напишите связный текст в одном из наиболее близких вам жанров (заготовка для энциклопедической статьи «Визуальная поэзия», сообщение в школьную газету, запись в литературном блоге). В тексте дайте ответы на вопросы:

- Что определяет графическую форму такого текста?
- Чем отличается восприятие такого текста от традиционного стихотворного текста?
- Как вы думаете, что преобладает в таком тексте: визуальное или вербальное?
- Что потеряет такой текст, если напечатать его традиционным способом?

Объем не регламентируется, но должен соответствовать поставленной задаче.

11 класс
Аналитическое задание:

Выполните целостный анализ одного из предложенных произведений (эпического или лирического). Вы можете опираться на данные к нему вопросы или выбрать собственный путь анализа. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст

АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВИЧ ГРИН

БАРХАТНАЯ ПОРТЬЕРА

I

Пароход «Гедда Эльстон» пришел в Покет после заката солнца.

Кроме старого матроса Баррилена, никто из команды «Гедды» не бывал в этом порту. Сама «Гедда» попала туда первый раз, — новый пароход, делающий всего второй рейс.

Вечером, после третьей склянки, часть команды направилась изучать нравы, кабаки и местных прелестниц.

Эгмонт Чаттер тоже мог бы идти, но сидел на своей койке, наблюдая, как перед общим, хотя принадлежащим боцману Готеру, небольшим зеркалом сгрудились пять голов: матросы брились, завязывали галстуки и, в подражание буфетчику, обмахивали начищенные сапоги носовыми платками.

Баррилен, сидя у конца стола, пил кофе.

Чаттер не знал, что Баррилен жестоко ненавидит его за примирение двух матросов. Эти матросы обыграли Баррилена, и он искусно стравливал их, тонко клеветая Смиту на Бутса, а Бутсу на Смита. Дело вертелось на пустяках: на украденной фотографии, на соли, подсыпанной в чай, на сплетне о жене, на доносе о просверленной бочке с вином. Однако, посчитавшись взаимно, Бутс и Смит схватили ножи, а Чаттер помирил их, растрогав напоминанием о прежней их дружбе.

Человек злой и хитрый, Баррилен умел быть на хорошем счету. Он пользовался прочным, заслуженным авторитетом. В каждом порту он всегда верно указывал — тем, кто не знал этого, — лавки, трактиры, публичные дома, цены и направления.

— Чаттер! — сказал Баррилен, подсаживаясь к нему. — Разве ты не пойдешь танцевать в «Долину»? — так назывался квартал известного назначения.

Чаттер подумал и сказал:

— Нет.

— Что же так?

— Сам не знаю. Я, видишь, еще утром припас две банки персиковой настойки. Сегодня было уж очень душно, должно быть, от этого я и мрачен.

— Ты купил чашку в Сайгоне? — спросил Баррилен, помолчав.

— Купил.

— Покажи!

— Не стоит, Баррилен. Просто фарфоровая чашка с Фузи-Ямой и вишнями.

Матросы, хлопая друг друга по спине и гогоча, как гуси на ярмарке, вышли по трапу вверх, саркастически пожелав Чаттеру хорошенько перестирывать свои подштанники. Тогда Баррилен приступил к цели.

— Тебе это дело понравится, — сказал он, тщательно обдумав картину, которую собрался нарисовать простодушному человеку. — Я знаю Покет, Лисс и все порты этого берега; я бывал два раза в Покете. Я сам не пойду в «Долину», хоть веди меня туда даром. Двадцать лет одно и то же... везде. Тут есть одна порченная семья, богатые люди. Болтливому я не скажу ничего, а ты слушай. Их семь душ: четыре сестры и три их приятельницы, — хорошей масти, одна другой лучше. Денег они не берут. Напротив того: ешь и пей, что хочешь, как в нашем салоне. Но они, понимаешь, заводят знакомство только с моряками. Следующее: они сами не пьют, но любят, чтобы матрос ввалился пьяный, завязав ногами двадцать морских узлов. Без этого лучше не приходиться. Негритянка проводит тебя через раззолоченную залу к бархатной портьере из черного бархата с золотыми кистями. Тут должен ты ожидать. Она уйдет. Потом занавески эти вскроются, и там ты увидишь... у них это шикарно поставлено! Фортепьяно, арфы, песни поют; можешь также нюхать цветы. Виски, рому, вина — как морской воды! Все образованны, везде тон: «прошу вас», «будьте добры», «передайте горчицу», и что ты захочешь, все будет деликатно исполнено. Там смотри сам, как лучше устроиться. Хочешь сходить?

Истории такого рода весьма распространены среди моряков. Расскажи приведенную нами выдумку кто-нибудь другой, Чаттер ответил бы, смеясь, полдюжиной аналогичных легенд; но он безусловно верил Баррилену, и его потянуло к духам, иллюзиям, музыке. Поверив, он решился и приступил к действию.

— Пусть будет у меня внутри рыбий пузырь вместо честной морской брюшины, — вскричал Чаттер, — если я пропущу такой случай! Это где?

— Это вот где: от набережной ты пойдешь через площадь, мимо складов, и выйдешь на Приморскую улицу. У сквера стоит дом, № 19. Стучи в дверь, как к себе домой после двух часов ночи. Будь весел и пьян!

— Пьян... Это хорошо! — заметил Чаттер. — Потому что мы непривычны... Значит, ты там был?

— Да, в прошлом году. Меня просили посылать только надежных ребят.

Зная настойчивый характер Чаттера в нетрезвом виде, Баррилен посылал его по вымышленному адресу. Этот или другой — все равно: адрес превратится в поле сражения.

Чаттер был молод — тридцать три года! Он переоделся в новый костюм и выпил бутылку настойки. Но обстановка кубрика была еще трезвой. Чаттер выпил вторую бутылку. Теперь кубрик напился. Койка поползла вверх, вместо одного трапа стало четыре. По одному из них Чаттер вышел, как ему казалось, прямо на улицу, в тень огромных деревьев, заливаемых электрическим светом. Память изменяла на каждом шагу, кроме сброшенной в нее якорем цифры «19» и названия улицы. Чаттер прошел сквозь толпы и бег экипажей, сквозь свет, мрак, грохот, песни, смех, собачий лай, запах чесноку, цветов, апельсиновых корок и саданул по большой желтой двери, согласно всем правилам церемониала, внушенного Барриленом.

Едва успела отскочить от него мулатка, открывшая дверь, как появился высокий бородач внушительного сложения.

Человек с окладистой золотой бородкой стоял, загораживая путь, и Чаттер произнес деликатную речь:

— Если вы попали сюда раньше меня, — сказал он, — это еще не причина наводить на меня боковые огни прямо в глаза. Мест хватит. Я матрос — матрос «Гедды Эльстон». Я верю товарищу. Дом... — номер тот самый. «Прошу вас...», «будьте добры...», «передайте горчицу...» Куда мне идти? Семь лет брожу я от девок к девкам, из трактира в трактир, когда здесь есть музыка и человеческое лицо. Мы очень устаем, капитан. Верно, мы устаем. Баррилен сказал: «Раздвинется, говорит, бархатная портьера». Это про ваш дом. «И там, говорит, — да! — там... как любовь». То есть настоящее обращение с образованными людьми. Я говорю, — продолжал он, идя за хмуро кивающим бородачом, — что Баррилен никогда не лжет. И если вы... куда это вы хотите меня?

— Вот вход! — раздался громовой голос, и Чаттер очутился в маленькой комнате — без мебели, с цинковым полом. Дверь закрылась, сверкнув треском ключа.

«Он силен, чертова борода! — размышлял Чаттер, прислонясь к стене. — Должно быть, сломал плечо».

Настала тьма, и пошел теплый проливной дождь. «Лей, дождь! — говорил Чаттер. — Я, верно, задремал, когда шел по улице. Я не боюсь воды, нет. Однако, был ли я в 19 номере?»

Через несколько минут безжалостный поток теплой воды сделал свое дело, и Чаттер, глубоко вздохнув, угрюмо закричал:

— Стоп! Вы начинаете с того, чем надо кончать, а я не губка, чтоб стерпеть этакую водицу!

Дверь открылась, показав золотую бороду, подвешенную к нахмуренному лицу с черными глазами.

— Выходи! — сказал великан, таща Чаттера за руку. — Посмотри-ка в глаза! Теперь — переоденься. На стуле лежит сухая одежда, а свою ты заберешь завтра.

Дрожа от сырости, Чаттер скинул мокрое платье и белье, надев взамен чистый полотняный костюм и рубашку. Затем появился стакан водки. Он выпил, сказал «тьфу» и огляделся. Вокруг него блестел белый кафель ванного помещения.

— Теперь, — приказал мучитель Чаттеру, стоявшему с тихим и злым видом, — читай вот это место по книге.

Он схватил матроса за ноющее плечо, сунул ему толстую книгу и ткнул пальцем в начало страницы.

Попятысь к столу, Чаттер сел и прочел:

...Руки моей поэтому. Вот здесь
Цветы для вас: лаванда, рута
И левкой я вам даю,
Цветы середины лета, как всего
Приличнейшие вашим средним летам...
Приветствую я всех!

К а м и л л

Будь я овцой...¹

— Довольно! — сказал бородач. — Попробуй повторить!

— Я понимаю, — ответил, сдерживая ярость, Чаттер. — Вы, так сказать, осматриваете мои мозги. Не хочу!

Бородач молча встал, указывая на душевую кабину.

— Не надо! — буркнул Чаттер, морщась от боли в плече. — «Руки моей поэтому...» Ну, одним словом, как вы старик, то возьмите, что похуже — например: мяту, лаванду, а розы я подарю кому-нибудь моложе тебя. Тут Камилл говорит: «Будь я овцой, если возьму ваше дрянное сено!» Теперь пустите.

— Пожалуй! — ответил бородач, подходя к Чаттеру. — Не сердись. Завтра заберешь свое платье сухим.

— Хорошо. Кто же вы такой?

— Ты был в квартире командира крейсера. Должно быть, ты теперь знаешь его, матрос! — сказал капитан, тронутый видом гуляки. — Вот она, бархатная портьера, которую ты пошел искать! — Он дернул его за ворот рубашки. — Она раскроется, когда ты захочешь этого. А теперь марш по коридору, там тебя выпустят.

— Ладно, ладно! — буркнул Чаттер, направляясь к выходу. — У вас все — загадки, а я еще хмелен понимать их. Большая неприятность произошла. Эх!

Он махнул рукой и вышел на улицу.

II

Коварная выходка Баррилена теперь была вполне ясна Чаттеру, но он думал об этом без возмущения. Сосредоточенное спокойствие, полное как бы отдаленного гула, охватило матроса: чувство старшего в отношении к жизни. Он шел, глубоко-глубоко задумавшись, опустив голову, как будто видел свое тайное под ногами. Поднимая голову, он удивленно замечал прохожих, несущихся, колыхаясь, лица с особым взглядом ходьбы. Наконец, Чаттер очнулся, вошел в магазин и купил жестянку чая — испытанное средство от опьянения. Но ему негде было его сварить. Продолжая идти в надежде разыскать чайную лавку, каких в этой части города не было, он попал в переулок и увидел раскрытую, освещенную дверь нижнего этажа. Там сидела за столом бледная женщина, молодая, с робким лицом, — она шила.

Теперь Чаттер мог бы заговорить с кем угодно, по какому угодно поводу — так же просто, как заговаривают с детьми.

— Сварите мне, пожалуйста, чаю, — сказал матрос, переступив две ступени крыльца и протягивая жестянку насторожившейся женщине. — Я выпил много. С виду я трезв, но внутри пьян. Большая кружка крепкого, как яд, чая сделает меня опять трезвым. Я посижу минут десять и вывалюсь.

Простота обращения передалась женщине, и, слегка улыбнувшись, она сказала:

— Присядьте. Вы, верно, моряк?

¹ Из «Зимней сказки» Шекспира

— Да, я матрос, — ответил, опускаясь на стул, Чаттер как ей, так и вошедшему невысокому мужчине с маленьким, темным от оспы лицом. — Верно, ваш муж? Я заплачу, — продолжал Чаттер.

Вынув из кармана горсть серебра и золота, жалованье за три месяца, он бросил деньги на стол.

Три покотившиеся монеты, затрепетав, легли посреди клеенки. Мужчина, юмористически сдвинув брови, взглянул на деньги, потом на жену.

— Кэрри, — сказал он женщине, — что тут у вас?

— Ты видишь?! Зашел... принес чай и просит сварить, — тихо ответила Кэрри, нервно дыша в ожидании брани.

— Приятно! Джемс Стиггинс, — сказал муж, протягивая руку Чаттеру. — Я шорник. Кэрри все сделает. Сидите спокойно. Деньги ваши возьмите, не то, если потом растратите, будете думать на нас.

Он беспокойно оглянулся и вышел вслед за женой в кухню.

— Много не сыпь, — сказал он ей, — нам больше останется. Задержи его. Он дурак. Подлей в чай чуть-чуть рому.

Когда он ушел, Кэрри понюхала чай. Хороший чай, с чудным запахом, совсем не тот, какой покупала Гертруда, сестра Стиггинса. Кэрри не разрешалось покупать ничего. А она очень любила чай. Он веселил ее, заглушая желание есть. Теперь ей очень хотелось есть, но она не смела взять кусок пирога с луком, отложенного Гертрудой на завтра.

Подумав, Кэрри высыпала в чайник полжестянки чая.

Между тем перед задумавшимся Чаттером предстала Гертруда. Стиггинс прервал беседу, состоявшую из вопросов о плаваниях, и сделал сестре знак.

Забрав со стола деньги, Чаттер дал ему гинею, а остальное сунул в карман. Перед ним очутилась теперь рослая женщина лет сорока, с диким и быстрым взглядом. Она старалась сейчас подчинить свое жестокое лицо радушной улыбке.

— Вот зашел к нам дорогой гость, бравый моряк, — говорил Стиггинс. — Он выпьет чаю, как у себя дома, в семье, не правда ли, Труда? Он дал мне гинею, — видишь? — купить к чаю кекс и орехов. Ты сходишь. Нá! А сдачу храни, в следующий раз ему снова дадим чаю и кекс.

Гертруда, взяв деньги, степенно прошла на кухню.

Едва слышно напевая, Кэрри варила чай.

— Как он попал? — спросила Гертруда, показывая монету. — Говоришь — увидел тебя? Так иди же, пусть он видит тебя. Матросы, попав на берег, часто тратят все до копейки. Я заварю чай, а за покупками ходит Джемс. Он много истратился на комод, а теперь еще надо покупать коврик и занавески.

Не смея послушаться, Кэрри, не поднимая глаз на Чаттера, передала мужу взятую у Гертруды гинею.

— Ты сам...

Стиггинс вышел, а Гертруда принесла чайник.

— Сейчас, сейчас, — говорила она, расставляя посуду. — Наш гость мучается, но он будет пить чай.

Кэрри взглянула на Чаттера, потом на комод. Большой новый комод стоял у стены, как идол. Комод отнял у Кэрри много завтраков, чая, лепешек и мяса, и она ненавидела его. Кэрри хотела бы жить в тесной комнате, но чтобы быть всегда сытой. Вот этот матрос был сыт, — она ясно видела, что он силен, сыт и бодр.

Чаттер сказал:

— Я вам наделал хлопот?

— О нет, нисколько, — ответила Кэрри.

— Да, наделал! — повторил Чаттер.

Некоторое время он пил, не отрываясь, свой чай из большой глиняной кружки и, передохнув, увидел Стигинса, пришедшего с кексом, сахаром, пакетом орехов.

— Дай же мне чаю! — сказал Стигинс сестре. — Кэрри, нарежь кекс. Наш славный моряк начал отходить. Домашняя обстановка лучше всего.

— Кэрри, ты не объешься? — сказала Гертруда, взглядом отнимая у несчастной кусок кекса. — Ишь! Взяла лучший кусок.

Кэрри положила кекс; глаза ее закрылись, удерживая, но не удержав слез.

— Пусть она ест! — сказал Чаттер, подвигая поднос к Кэрри. — «Руки моей поэтому...» Кэрри, это стихи! «Будь я овцой! Я вам дарю цветы середины лета!»

— Интересно! — заявила Гертруда, жуя полным ртом.

Вошла сгорбленная маленькая старуха с подлым лицом и тихой улыбкой. Взгляд ее загорелся; она шмыгнула носом и села, не ожидая приглашения.

— Чаю, тетушка Риден! — предложила Гертруда. — Вот вам чашка, вот чай. Кушайте кекс!

— Я думала, чай такой жидкий, как был на вашей свадьбе, милочка Кэрри, — монотонно пробормотала старушка, оглядываясь с лукавством и хитростью. — Но нет, он крепок, он очень хорош, ваш чай. Кто же этот ваш гость? Не родственник?

— Родственник! — вдруг сказала Кэрри, у которой странно переменялось лицо. Оно стало ярким, глаза блестели. — Мой двоюродный брат. Мы пойдем с ним в сад. Там есть пиво, там танцуют и есть театр. Не правда ли?

Она смотрела прямо в глаза Чаттеру, и он так же прямо, но глухо, чуть прищурясь, посмотрел на нее. Чаттер уже выпил свой чай. Пока он, встав, искал, а затем нашел кепи, Стигинс переглянулся с женой и больно придавил ей ногой ногу.

— Только смотри! — мрачно шепнул он.

Общее молчание заставило Гертруду громко заговорить о домашних делах. Нарочно качнувшись, Чаттер взял под руку Кэрри, которая, прикрыв плечи голубым шарфом, поспешно рванулась вперед.

На улице она горько расплакалась.

— Четыре года! — говорила Кэрри, припав к хмуро обнявшей ее руке Чаттера. — Четыре года! Но больше я не вернусь. Возьмите меня и уведите, куда хотите, чтобы я только могла заработать! Можете ли вы это? Вы можете... можете!

— Бедняга! Не реви! — сказал Чаттер. — Ведь ты мне дала чаю, Кэрри, ты будешь пить его из чашки с Фузи-Ямой! Пойдем, то есть возьмем извозчика, а завтра «Гедда Эльстон» выйдет на рейд. Одна наша горничная взяла сегодня расчет. «Будь я овцой!..»

Буфетчик нерадостно выслушал Чаттера относительно Кэрри, так как хотел взять милочку повертливее, но Чаттер обещал ему свое жалованье за два месяца, и дело устроилось. Кэрри не вернулась за вещами, так что матросы в складчину достали ей необходимые платье и белье.

За своими вещами Чаттер съездил в дом № 19 на другой день.

Вот все.

Еще надо сказать, как утром Чаттер доконал Баррилена, подтвердив портьеру, музыку и цветы. Он сильно озадачил его, особенно когда прочел стихи.

— Их пела одна красавица, — сказал Чаттер. — Ты слушай!

Руки моей поэтому...
Будь я овцой. Дарю я вам цветы.
Берите, когда дают, хотя вы есть старик.
Приличнейший левкой для ваших лет!
Цветы середины лета.

После этого, все с тем же, еще не оставившим его чувством старшего среди жизни, Чаттер запустил руку в свою «бархатную портьеру», почесал грудь и лег спать.

1933 г.

Опорные вопросы:

- Какую художественную и смысловую функцию в произведении А. Грина выполняет цитата из пьесы Шекспира «Зимняя сказка» и тот ее вариант, который запомнился персонажу?

- Рассмотрите, как развиваются события? меняется ли что-то в жизни персонажа или нет в результате «свидания»?

- Присмотритесь не только к тому, **что** рассказывается в истории, но и к тому, **как** она рассказывается. Что попадает в «кадр зрения» повествующего субъекта в разных эпизодах и какое восприятие событий персонажами передаётся благодаря такой компоновке деталей? Какие речевые особенности характерны для повествующего субъекта? Как они помогают представить описываемые события и определить отношение повествующего субъекта к ним?

- Почему произведение А. Грина так называется?

Аналитическое задание:

Вы можете также по Вашему выбору выполнить целостный анализ стихотворения Иосифа Бродского «Памятник Пушкину». Обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы (поэтики): изображение субъекта лирического высказывания и объекта его переживания в стихотворении; средства создания образа «памятника», средства звуковой изобразительности и их функции; интертекстуальные отсылки и их назначение в тексте, строфика и рифмика. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Иосиф Бродский

Памятник Пушкину

*...И Пушкин падает в голубо-
ватый колючий снег
Э. Багрицкий.*

*...И тишина.
И более ни слова.*

И эхо.
Да еще усталость.
...Свои стихи
доканчивая кровью,
они на землю глухо опускались.
Потом глядели медленно
и нежно.
Им было дико, холодно
и странно.
Над ними наклонялись безнадежно
седые доктора и секунданты.
Над ними звезды, вздрагивая,
пели,
над ними останавливались
ветры...

Пустой бульвар.
И пение метели.
Пустой бульвар.
И памятник поэту.
Пустой бульвар.
И пение метели.
И голова
опущена устало.

...В такую ночь
ворочаться в постели
приятней,
чем стоять
на пьедесталах.

Творческое задание

Изучите предложенные вам тексты русских поэтов.

1. Г. Р. Державин

ПИРАМИДА

Зрю
Зарю
Лучами,
Как свечами,
Во мраке блестящу,
В восторг все души приводящу.
Но что? – от солнца ль в ней толь милое блистанье?
Нет! – Пирамида – дел благих воспоминанье.

2. Симеон Полоцкий.

«От избытка сердца уста глаголят» (в честь рождения царевича Федора).

ЗАДАНИЕ:

Напишите связный текст в одном из наиболее близких вам жанров (заготовка для энциклопедической статьи «Визуальная поэзия», сообщение в школьную газету, запись в литературном блоге). В тексте дайте ответы на вопросы:

- Что определяет графическую форму такого текста?
- Чем отличается восприятие такого текста от традиционного стихотворного текста?
- Как вы думаете, что преобладает в таком тексте: визуальное или вербальное?
- Что потеряет такой текст, если напечатать его традиционным способом?

Объем не регламентируется, но должен соответствовать поставленной задаче.